

П. ПАВЛЕНКО

СТЕПНОЕ СОЛНЦЕ

ДЕТГИЗ • 1951

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об
этой книжке присылать по адресу:
Москва 47, ул. Горького, 43. Дож.
детской книги.*

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ВОЗРАСТА

Ответственный редактор
И. Кротова
Художественный редактор
С. Садомская.
Технический редактор
Т. Добровольнова.
Корректоры Е. Трушковская и
Е. Кайрукшис.
Подписано к печати 5/VII 1950 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂ = 1.625 бум. — 5,34
печ. л. (4,01 уч.-изд. л.). А02264.
Цена 3 р 20 к.

Отпечатано в типографии № Г-1 с
матриц Фабрики детской книги Детгиза.
Москва

П. Павленко

СТЕПНОЕ СОЛНЦЕ

ПОВЕСТЬ

Рисунки
О. Верейского

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1951 Ленинград

1

В середине июля в гараже, где работал Емельянов, состоялось экстренное собрание. Надо было отправить в степь, на уборочную, пять грузовиков с водителями. Решали, кому ехать. Андрей Емельянов вызвался первым. Недели две назад умерла его жена. Андрей и его десятилетний сынишка тяжело переживали потерю. Заведующий гаражом, ценивший Емельянова как толкового работника, предложил ему вне всякой очереди отпуск и обещал устроить сынишку в пионерский лагерь, но Андрей не мог ни расстаться с мальчиком, ни наладить жизнь без жены.

А тут предложение ехать на уборочную — новые места, новые люди, напряженный темп жизни, — и он вызвался первым.

— А Сережка как же? — спросила комсорг гаража Вера Зотова.

— С собой возьму, пусть привыкает к колхозной жизни, — коротко ответил Емельянов.

Выступить решено было колонной не позже четырех часов утра, чтобы успеть «позоревать», как говорили когда-то чумаки, то-есть пройти зорькой горные дороги и миновать степную полосу до полудневной жары.

Всю ночь Андрей провозился в гараже, латая камеры, заливая горючее, припасая на всякий случай мешки и веревки, и забежал к себе собрать вещи всего за час до выступления колонны.

Сережа, с вечера предупрежденный об отъезде, спал, не раздеваясь, на отцовской постели, положив под голову рюкзачок с бельем, заботливо приготовленный соседкой Надеждой Георгиевной, подругой покойной матери.

Андрей подхватил спящего сына одной рукой, чемодан — другой и, не запирая комнаты, побегал в гараж.

От шума заводимых и проверяемых моторов и крика водителей Сережа проснулся и захныкал. Ехать с отцом ему очень хотелось, но он еще никогда не выезжал из родного города, и было страшновато от неизвестности, что принесет ему дорога.

Впрочем, он быстро успокоился. Водители все были знакомые; они ласково окликали его, хваля за то, что он едет с ними в дальний рейс, и уверяли, что там, в степных колхозах, куда они направляются, нынешний урожай скучать не даст.

Вера Зотова потрепала его за подбородок и, как всегда, сказала неприятность:

— Вытри нос, а то смотри, уплывает...

Заведующий гаражом, толстый, усатый, сует-

ливый Антон Антонович, произнес напутственную речь. Зотова прибила к борту каждой машины плакат «Все на уборку урожая!» и к смотровому стеклу своей машины прикрепила еще букетик левкоев.

— Ордена и медали надели? — громко спросил Антон Антонович. — Не срамите там себя, держитесь, как подобает. Емельянов, веди колонну! Ну, в добрый путь!

Отец отпустил ручной тормоз, включил первую, затем вторую скорость, а когда выехали на шоссе — перешел на третью.

— Как там, не отстают наши? — спросил он сына. — Поглядывай время от времени.

Встав коленями на сиденье, Сережа поглядел в заднее стекло кабины. Колонна проходила главную улицу города. Вот остались позади городской сад, киоск фруктовых вод, клуб на углу.

— Идут, — сказал он, и вдруг слезы, независимо от его воли, ручьем полились по лицу, и, неловко обняв отца за шею, он спросил: — Пап, а мы домой-то вернемся?

— Куда ж мы с тобой, Сергунька, денемся! Конечно, вернемся, — грустно улыбнувшись, сказал отец. — Ты дом-то наш любишь?

— Люблю, — ответил Сережа.

Не было у него на свете никого дороже матери, и когда не стало ее, вещи их комнаты и места в родном квартале, где он бывал с нею, ежедневно напоминали ему о покойной и как бы сохраняли ее незримое присутствие рядом с ним. Их вещи как бы многое знали о нем самом, Сереже; ему ни за что не хотелось уезжать куда-нибудь насовсем, где все было бы чужим и необжитым...

— А не мобилизуют? — опасливо поинтере-

совался он, на минутку переставая плакать. — Дядя Петров говорил в гараже: замобилизуют нас до окончания той... уборки, что ли.

— Да хоть и мобилизуют, подумаешь! Всего две недели каких-нибудь! — успокоил его отец таким искренним тоном, что Сережа сразу же поверил ему. — Зато поедем мы с тобой, новых людей повидаем, урожаю порадуемся. Нынче, брат, урожай замечательный! Радость людям.

— А ехать нам далеко? — спросил Сережа, оглядываясь на колонну, уже оставлявшую пределы городка и поднимающуюся по извилистому шоссе в горы, где он еще никогда не бывал.

— К Перекопу. Слыхал, небось?

— Это где Фрунзе был?

— Вот-вот. Там, брат, и в нынешнюю войну повоевали! Говорили мне, всё, как есть, осталось, и пушки, танки битые...

— А каски есть?

— Это уж обязательно.

— Хорошо бы нам, пап, каску достать, да еще флягу... или автомат.

— А что ж, вполне свободно возьмем. Понравится нам какая пушка, мы и ее забуксируем.

— Пушку-то, наверно, милиция отберет, — вздохнул Сергей и, совсем уже успокоившись, погрузился в размышления о том, на какие трофеи с полей сражений ему придется обратить особенное внимание.

Солнце еще не взошло, и вокруг было темно, как перед ужином, когда мама не зажигала свет, чтобы не налетели комары, и только на востоке небо раскалилось докрасна, почти до пламени. Сейчас оно вспыхнет, задымится, и в образовавшуюся дыру, как в прореху, выглянет солнце. Но горы и море пока дремали. Море точно заледе-

нело, и, казалось, по его ровной, белесо-сизой глади можно было пробежаться, как по асфальту.

А горы — горы выглядели сонными птицами, когда, спрятав голову под крыло, они замирают на ветках, потеряв весь свой птичий облик, похожие на крупные сосновые шишки.

Горы свернулись калачиком, спрятав свои ущелья, долины и скалы, и оттого стали маленькими и скучными.

Взбираясь на перевал, шоссе запетляло так круто, что дорога открывалась всего на каких-нибудь двадцать метров, а потом пряталась за выступ горы, и нельзя было ни увидеть встречные машины, ни уследить за своей колонной.

Сергей решил пока что присмотреться, как отец правит, — в глубине души он был уверен, что и ему выпадет случай прикоснуться к рулю во время уборки хлеба, когда все будет стремительно и отважно, как на войне. Дома все как-то было некогда заняться отцовской машиной: то он считался маленьким, то начал ходить в школу, да и мама побаивалась машины.

Сережа стал внимательно рассматривать своего отца и должен был признаться, что тот сразу понравился ему как водитель. Не то что Вера Зотова, которая сидела, как за швейной машиной. Андрей Васильевич вел грузовик легко, уверенно. Сидел он откинувшись, свободно, но пальцы рук его были напряжены, и руки — сильные, загорелые и мускулистые — ходили у него как бы сами собой.

— Это ты что сейчас сделал, папа?

— На холостой перешел.

— А что это такое — холостой?

— Знаешь, Сергей Андреич, — засмеялся

отец, — ты мне сейчас не мешай, дорога — никуда: секунду не рассчитал — разобьемся. Ты поспи, сынок, — привыкай спать в машине. Кто в машине не спит — не шофер.

А Сергею, как назло, не хотелось спать именно сейчас, когда его отец шел в голове колонны и можно было, пользуясь этим, оглядываться назад и критиковать водителей за то, что они отстают или, наоборот, чересчур напирают на головную машину. Он несколько раз даже высовывался в открытое окно кабины и махал им рукой, пока отец не заметил, что так не принято: шоферам рукой не машут, а нужно сигналить, но что и в этом сейчас никакой нужды нет.

Сергею казалось, однако, что отец просто-напросто стесняется своей власти, что ему, молодому, неудобно командовать более старшими, хотя он, впрочем, и бывший сержант и носит орден Красной Звезды. Сергей не одобрял этой скучной скромности, хотя и смолчал.

За Емельяновым шел Егор Егорыч Петров, которого все в гараже звали дядей Жорой. Даже покойная мама, недолюбливавшая шоферов за лихость, и та всегда была почтительна с Петровым. У него были две медали, и он считался человеком справедливым, рассудительным. Петрова на всех собраниях обязательно выбирали в президиум, а он всегда отмахивался.

За дядей Жорой шел Петя Вольтановский, бывший танкист, с тремя боевыми орденами и множеством медалей, самый веселый из знакомых Сережи. За Вольтановским тянулся пожилой Ерёмушкин, всегда с цыгаркой во рту, молчаливый и мрачный человек, а замыкала колонну Вера Зотова, комсорг гаража, мамина любимица. Она не имела орденов, но окончила техникум,

и образование у нее было, как говорили, почти что высшее.

Когда была жива мать, Вера дневала и ночевала у Емельяновых, и Сережа привык к ней, хотя и не особенно любил ее. Она все время вела какие-то кампании и только о том и говорила, что у нее одни лодыри и лентяи и что она, в конце концов, «погорит» из-за них.

Сергею в глубине души очень хотелось поглядеть, как это так можно «гореть» без огня, но когда однажды, хитро улыбнувшись, он попросил Веру скорее «погореть», она отшлепала его на глазах у матери. Вера выступала на собраниях, была агитатором, писала в стенную газету.

И все-таки старше всех был отец. Покойная мать часто говорила соседке Надежде Георгиевне, что у него голова — огонь и что при хорошем образовании он давно был бы завгаражом или механиком. Сережа помнил, как прошлой зимой отец занимался по вечерам, а мама была за учительницу. Раскрыв книгу с чертежами и цифрами, она строго спрашивала у отца урок, а тот, едва шевеля губами от усталости, всегда отвечал невпопад. Мама ужасно из-за этого огорчалась, и Сергею было жаль отца и обидно, что тот плохо учится.

Но на отца никто не мог долго сердиться, даже Вера Зотова. Он был веселый человек. То смастерит, на удивление всем, какую-то трешотку для огорода — «антидроздовик», как он говорил, или сделает игрушечный ветряк для Сережи, или летающую модель самолета, любоваться которой сбегались мальчишки со всего квартала.

А как он ловко собирал кизил, когда осенью на выходной день всем гаражом ездили в горы! А как он хорошо умел петь под гитару!

Мама, милая мама, которой больше уже нет и никогда не будет, часто говорила, что отец покорил ее песнями.

Сама она не пела, у нее болело горло, но слушать песни могла целыми днями. Дома у них был маленький самодельный приемник, и когда передавали концерт из Москвы, мама обязательно звала Сергея: «Послушай, маленький, это кто поет?»

Скоро Сергей научился узнавать голоса всех известных певцов и никогда не ошибался, верно называл по первым же тактам — Козловский это или Александрович.

Сережа глубоко вздохнул и почувствовал, что у него противно засосало под ложечкой и немножко зарябило в глазах. «Наверно, укачиваюсь», со страхом подумал он.

Дорога, в самом деле, ужасно завиляла и завертелась.

Она бежала между горами и морем, то карабкаясь вверх, то стремглав летя вниз, и, где-то нечаянно зацепившись за мостик на крутом повороте, опять упрямо стремилась вверх, заглядывая за очередную гору.

Сергей никак не мог представить себе, где и как тут живут люди и что они делают.

Размышляя о неуютности гор для жизни человека, Сергей, вероятно, вздремнул, потому что когда он вновь что-то увидел перед собой, то не сразу даже понял, что это. Они спускались с перевала к узкому заливу, на берегу которого, далеко-далеко внизу, громоздился — дом на дом — небольшой поселок. Он был так невелик сверху, что, казалось, его можно схватить в охапку.

Солнце лежало, положив свой подбородок на горизонт, и всем своим веселым кругом уже

светило и грело так жарко, что было больно глазам.

Скалы и горные холмы, то ярко освещенные, то скрытые легкими полутенями, то и дело менялись в цвете, будто во что-то играли между собой. Вдали, за холмами залива, почти сливаясь с небом и как бы составляя его часть, воздушно синели таинственные горы. Их было много. Они сбегались отовсюду. Они скакали навстречу или, отступив от дороги, пересекали путь напрямую, забегая со стороны.

— Пап, а где ж земля? — спросил Сергей и ахнул.

Грузовик, круто выскочив на улицу курортного городка, промчался мимо рыбачьих баркасов, разложенных на берегу сетей, мимо ранних купальщиков и еще закрытых нарядных киосков.

А потом снова пошла горная дорога. Приближался главный перевал. Сергею было страшно интересно: как же это они будут перелезать через горы и что окажется по ту сторону их?

— А там тоже море, куда мы едем? — спросил он.

Отец сказал, что за перевалом пойдут предгорья с широкими долинами в густых фруктовых садах, а за ними, часа через два, откроются гладкие, как стол, степи, сплошь в золотых хлебах.

— А как же горы и леса?

— А горы кончаются, и леса не будет, — коротко ответил отец.

Трудно было понять, как это могут кончиться горы, которых такое множество, что, казалось, их хватило бы на целую неделю пути, и почему не будет леса на ровном месте, хотя там, наверное, легче ему расти, чем на крутых каменистых склонах, где все время дует ветер.

Сереее многое еее хотелось узнать, но он не решался спросить.

Теперь, когда машины повернули к перевалу, море осталось позади, и перед глазами стоял шумный горный лес. Он был в движении, точно старался высвободить из земли свои корни и разбежаться куда глаза глядят. Гнулись молодые дубки, раскачивались сосны, трепетали кусты кизила и ежевики, и на поворотах свежий ветер с такой силой влетал в кабину, что у Сереее каждый раз сдувало с головы тюбетейку.

Такого леса он еее никогда не видел. Тот маленький лесок возле их города, куда несколько раз водила его мама, был ласково-теплый и без всякого ветра. Мама собирала там шишки для печки, а он играл ими, как солдатиками. Когда набирался полный мешок, они укладывали его на тележку с колесами из шарикоподшипников и везли домой. Тележка убегала вперед по спуску, и они едва поспевали за ней, гудя на поворотах в кулак, чтобы на них кто-нибудь не наскочил.

С мамой все как-то было гораздо милее и интереснее, без нее же многое совсем не привлекало Сереееу.

Никогда бы, например, он не полез один в гущу этого горного леса, хотя бы и за шишками, никогда бы не остался один на этом шумном ветру, от которого противно ныло в ушах.

— Ну вот и перевал! — произнес отец. — Тут мы, сынок, маленько передохнем. Устал, а?

Сереее было стыдно сознаться, что он действительно притомился, хотя ничего и не делал.

— Что ты! Я так тысячу лет могу ехать! — лихо сказал он, зевая и потягиваясь, и остановился на полуслове.

Все, кроме неба, было теперь внизу. Море

где-то далеко тонуло в солнечном тумане, а четкие резные горы были так близки, что хотелось дотянуться рукой до их острых гребней. Вся земля как будто кончалась небольшим холмиком у дороги, где стоял дом с широким балконом и с разноцветными зонтиками перед ним.

Колонна Емельянова съехала с шоссе; водители приподняли капоты, отвинтили пробки радиаторов и прилегли на траве, в тени густых дубков.

— Эх, беда-бедовая, я ж с собой ничего не взял! — виновато сказал Емельянов, увидя, что дядя Жора раскладывает подле себя помидоры, огурцы, яйца и хлеб.

Со своей обычной строгостью Зотова приказала Сергею: «Иди садись к дяде Жоре, съешь яичко», будто все, что вез с собою Егор Егорыч, было ее собственным.

Сереже не хотелось прикармливаться у чужих, чтобы не срамить отца, и он отказался. Но Зотова молча взяла его за руку, усадила рядом с дядей Жорой и положила ему в руки ломоть хлеба и крутое яйцо. Сережа знал, что спорить с ней невозможно. С Зотовой и шоферы не спорили.

Он очистил яйцо, потыкал им в щепотку соли и стал есть, как Егор Егорыч, держа ладонь у подбородка, чтобы не уронить ни крошки.

Водители тем временем покурили, подлили воды в радиаторы, осмотрели скаты и, перед тем как тронуться дальше, поговорили о хлебе.

Дядя Жора сказал, что хлебом все завалено, и Зотова сейчас же заметила, что это головотяпство: зерно надо сдавать прямо с тока, не задерживая ни на минуту. Дядя Жора хотел что-то ответить ей, но только пожевал губами, а Воль-

тановский, зевая до слез, сказал, что было бы только что сдавать, а они, шоферы, не подкачают, потому что хлеб убирать — красивое дело.

— Загоняют только, вот что обидно, — прокашлял Ерёмушкин и пошел к машине.

Отец был задумчив, но словам старика улыбнулся.

— Однако поехали, хлопцы, день нас обгоняет, вижу я... Прощайся с морем, Сергунька, — сказал отец, — теперь ты его долго не увидишь.

В самом деле, не успели спуститься и на два поворота, как лес заслонил море, точно его никогда и не было. Приоткрылись горные долинки, предгорья, сады. Рядом с шоссе зашумела в узкой стремнине речка. Она бежала по камням, то перелезая через них сверху, то обходя с боков, и казалось иной раз, что не вода стремится меж камней, а сами камни скачут вниз, разбрызгивая вокруг себя мешающую им воду.

Лес осторожно, бочком спускался с гор и где-то вдруг отстал от машины. Пошли сады. Замелькали стаи птиц. Раскинулись бахчи и огороды.

— Это уже степь, папа?

— До степи, сынок, еще далеко. Спал бы ты, а?

— Да что я — все спать и спать! Так и проплю самое интересное.

— Если что будет, разбужу.

— Ну, тогда буду, — согласился Сергей. — Я уж совсем как шофер сплю, папа. Верно?

— Верно, сынок. Из тебя, я уж вижу, заправский шофер выйдет. — Андрей Васильевич вздохнул и запел, но, испугавшись того, что делает, сразу примолк.

Сергей еще раз взглянул на то, что открыва-

лось его взгляду. Впереди, за нисходящими грядами садов и огородов, выглядывали белые меловые взгорья. Где-то за ними и была, очевидно, степь.

«Насмотрюсь еще на нее», подумал он и свернулся калачиком на сиденье.

2

Была уже глубокая ночь, когда колонна, поднимая за собой тучу пыли, въехала на улицы спящего степного колхоза.

Отец с Верой Зотовой пошли разыскивать уполномоченного по хлебозаготовкам, третьи сутки не покидавшего здешнего тока, а Сергей с остальными остался при машинах.

Долгая тряска по раскаленной степи утомила его ужасно. Степь в июльский полдень была невыносимо душна, воздух был горяч и противно дрожал в глазах и еще противнее верещал головами цикад. До сих пор у него звенело в ушах и хотелось пить. Он почти не запомнил степи, да сейчас и не жалел об этом.

Осторожно вылезши из кабинки и размяв затекшие ноги, Сережа прошелся вдоль машин. Ночь была сухая, жесткая, без прохлады, и беспокойный звук цикад еще стоял в воздухе, сливаясь с отдаленным лаем псов и криком лягушек в какую-то раздражающую мелодию. Казалось, воздух скребут жесткими щетками. Летучие мыши, как черные молнии, мелькали у его лица. Ему стало не по себе.

— Дядя Жора, а дядя Жора! — тихонько позвал он. — Не знаете, где тут у них напиться?

Из машины никто не ответил, и, обеспокоенный, не оставили ли его одного, Сергей встал на